
ЧЕЛОВЕК В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ДАНЬ ВРЕМЕНИ ИЛИ НЕОБХОДИМАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ?

А.М. Кузнецов

Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: *в статье обсуждаются общие вопросы, связанные с признанием роли человека в международных отношениях. В силу специфики данного нового актора предложено развивать новую дисциплину — антропологию международных отношений. Некоторые аспекты институционализации этой дисциплины также рассмотрены автором.*

Ключевые слова: *человек, индивид, общность, антропология, антропоморфизация, международные отношения.*

В последнее время в научных исследованиях и практической деятельности в области международных отношений наблюдается рост интереса к проблеме человека. Представленная тенденция достаточно наглядно проявляется, например, и в академическом призыве к признанию значимости индивидов в международной политике, и в активности международных организаций, направленной на защиту безопасности человека¹. Новые веяния определили переоценку ряда прежних установок в том числе и в сфере безопасности в целом. Как отмечал С.В. Картунов, здесь также: «... носителем, исходным «собственником» средств и методов работы является отдельный человек как «мыслитель» и «деятель» [Картунов 2003: 42]. Неудивительно, что и в официальных документах, чаще стали появляться рекомендации такого рода: «Требуются поколения людей, которые будут больше заниматься человеческими ценностями, чем бюрократическим урегулированием и технократическими ограничениями» [Gurtov 1991: 42]. Подобные перемены, еще ранее произошедшие в других отраслях знания, получили определение как разворачивающаяся *антропологизация* современной науки [Танатова 2004]. В основе осмысления рассматриваемого процесса лежит концепция антропологического поворота в социальном и гуманитарном знании [Кузнецов 2000]. Один из ее вариантов, в частности, предлагает «...тезис о том, что в динамике сегодняшней глобальной реальности базовым, определяющим уровнем стал уровень *антропологический*. Такая концепция диктует, что современная антропология — в частности, и С[инергичная] А[нтропология] — должна быть способна явно показать и раскрыть определяющую и объясняющую роль антропологической реальности по отношению к реальности социальной...» [Хоружий 2009: 6].

¹Подробнее об этом см.: Баталов 2005; Кулагин, Лебедева, Мельвиль 2002; Фельдман 2008; Розенау 1996; Preiswerk 1995.

Причину, вызвавшую столь неожиданные новшества, еще ранее объяснил тот же политический психолог В. Одайник: «В процессе моих занятий мне постоянно приходилось сталкиваться с тем фактом, что любая политическая и социальная теория, любая концепция общества, формы правления и справедливости покоятся, как это в конечном счете выясняется, на *определенном понимании человеческой природы*» [Одайник 1996: 11; здесь и далее курсив мой — А.К].

Не все отрасли знания сразу приходили к признанию взаимосвязей такого рода. Очень показательной в данном отношении является ситуация в науке о международных отношениях. В соответствии с доминировавшими установками она сначала была сориентирована на исследование роли государственных деятелей как основных творцов внешней политики. В демократических условиях учитывалось также влияние общественного мнения на формирование и проведение в жизнь внешнеполитического курса [Bailey 1948]. Несмотря на достаточно рано проявившийся интерес некоторых известных специалистов к возможностям антропологии и исследованию роли человека², их начинания не получили в своей дисциплине своевременного признания. В начале 1980-х гг. попытку войти в международное поле предприняли уже сами антропологи³, но и она не имела особого успеха. Так что, компетентным европейским авторам пришлось констатировать в 1993 г.: «... вполне правомерно будет утверждать, что еще не существует антропологии международных отношений между нациями-государствами» [Eriksen, Neumann 1993: 238]. Но, как говорится, посыл был воспринят и вскоре другие авторы зафиксировали важную перемену в настроениях: «Специалисты, формировавшиеся в эпоху после окончания холодной войны, кажется, интуитивно все же ухватили [мысль] о том, что изучение международных отношений (МО) должно быть посвящено *главным образом людям*, и что те пути, по которым люди вовлекаются в эти отношения, плохо поддаются упрощению» [Hudson, Vore 1995: 209]. С наметившейся тенденцией можно связывать и разворачивающееся в 1990-е гг. обсуждение роли индивидов в международной политике [Morgan 1994; Rosenau 1990]. Уже в начале нового века российский исследователь, представляя свое видение *антропологии международных отношений*, отмечал: «В теоретико-методологическом и практическом планах такая дисциплина априорно ориентирует на гуманизацию самих этих отношений и определяемых ими сфер человеческого бытия» [Баталов 2005].

В целом же, несмотря на появление ряда работ, связанных с обсуждением роли человека в международных отношениях, нельзя утверждать, что предлагаемая дисциплина уже вполне состоялась. Точно также было бы преждевременно утверждать, что и сама проблема человека уже пользуется широким признанием в данной профессиональной сфере [Баталов 2008; Фельдман 2004/2005; Фельдман 2009; Катаев, Фельдман 2010]. Большинство публикаций подобного рода пока демонстрирует начало освоения новой отрасли знаний со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому задача обсуждения некоторых общих вопросов и перспектив интеграции антропологии как комплексной науки о человеке и исследований международных отношений сохраняет свою актуальность. С учетом масштабности поставленной задачи я должен буду ограничиться в данной работе обзором ряда теоретических и методологических их аспектов.

Вполне очевидно, что необходимость в обновлении сложившегося арсенала исследовательского инструментария и оснований для принятия практических решений, как правило, обусловлена обнаружившейся несостоятельностью ранее использовавшихся средств и подходов. В свете приведенных данных можно вполне обосновано утверждать — проблематика, связанная с отдельными индивидами, их общностями и человеком, долгое время была, фактически, отдана наукой о международных отношениях на откуп дисциплинам (той же социальнотрансакционной антропологии), очень слабо связанных с предметным полем анализа меж-

²Подробнее об этом см.: Almond 1950; Etheredge 1978; Kelman 1965; Waltz 1959.

³Подробнее об этом см.: Cohen 1982; Thomas 1982.

дународной жизни. Так что определенные лакуны в концептуальном аппарате науки о международных отношениях явно существовали. Не случайно столь неожиданное для многих завершение холодной войны вызвало критические замечания в адрес ее теоретических основ [Hudson, Vore 1995].

Но не только отмеченное обстоятельство определяет актуальность проблемы человека в данной области знаний. Ведь нельзя утверждать, что интерес к ней является исключительно достижением настоящего времени [Гуторов 2003]. Уже в течение предшествующего периода XIX-XX вв. в общественно-политической мысли и практике, казалось бы, были актуализированы все возможные варианты операционализации идеи человека. После отказа от разного рода телеологических объяснений все начиналось с общеполитической и либерально-идеалистической ориентации на универсальные ценности и общечеловеческие интересы. Затем марксизм привнес сюда свой классовый подход, а консерватизм сделал ставку на «героическую личность» — государственного человека. Героизм же в данном случае фактически означал наделенность властных субъектов качествами, в том числе моральными, недоступными простому смертному, включая и особую этику ответственности. Здесь будет уместно напомнить тираду К. Томпсона: «Политик должен одиноко идти дорогой ответственного официального лица, который при принятии решения на первое место должен поставить безопасность народа, от имени которого он выступает» [Цит. по: Гизен 1996: 41]. Однако подобные «уравнивающие», а точнее недифференцированные интерпретации допускали правомерность еще одного варианта осмысления ситуации. Поэтому произошедшее затем приписывание тем же нациям человеческих свойств, т. е. их *антропоморфизация*, представляется вполне логическим развитием практики соотнесения индивида с более значительными сущностями и отождествления политика с его страной. Подобная операция наглядно проявилась, например, в известной формуле классика реализма Г. Моргентау: «Нации ведут себя как люди» [Моргентау 1997]. Примечательно, что современный теоретик конструктивизма в международных отношениях А. Вендт также был уверен: «Государства — тоже люди» [Vendt 2003: 215]. В представленных обстоятельствах, по точному замечанию российского специалиста: «Роль Человека априорно воспринималась как основная, центральная, определяющая развитие общественной системы. Генезис этого подхода, впрочем, — не столько *научного*, сколько *мифологического характера*» [Могилевкин 1999: 71].

Не менее очевидно, что проявляющаяся научная несостоятельность часто бывает вызванной возникновением новых реалий, ставящих научное и политическое сообщества перед лицом ранее неизвестных перспектив, задач и угроз. Поскольку тенденция к переоценке роли и значения человека в международных отношениях заявила о себе в 1960-1980-е гг., то общий контекст ее возникновения, вроде бы, достаточно очевиден. Здесь и начало глобализации, и крушение системы биполярного мира, и революция прав человека, и новый этап демократического транзита и ряд других моментов. Но в немалой степени новая актуализация проблемы человека была обусловлена наряду другими обстоятельствами *постмодернистским вызовом*, поставившим в конце 60-х-70-х гг. прошлого века перед универсалистскими и объективистскими интенциями социально-гуманитарного знания свои «неудобные» вопросы. В эпоху *постмодерна* уже нельзя довольствоваться простой констатацией факта, что социум, государство, связанные с ними институты, представления и практики, создаются и поддерживаются обладающими некоей единой «природой» людьми. Теперь необходимо учитывать и понимать неизбежное привнесение ими в ту же экономику, политику, международные отношения своих ограниченно «*субъективных*» представлений [Devetak 2005]. Поэтому пресловутый «человеческий фактор» как непосредственное участие человека в различных институтах и практиках должны все же отделяться в исследовательских целях от самой более сложной социально-политической реальности государств, наций и т. д. Невыполнение данного методологического требования неизбежно сказывается на адекватном анализе подобного рода реальности. Показательно, что стремление «вывести проблему человека в международ-

ных отношениях на собственно *научные основания*», сначала выразилось в активном привлечении психологических подходов и концепций [De Rivera 1968; Psychological Models 1979; Tetlock, McGurra 1985]. Новый фокус обозрения позволял рассматривать международное взаимодействие, например, как специфический тип общения [Косолапов 1999]. Разные авторы стали также активно использовать концепты бессознательного, восприятия и другие собственно психологические категории [Jervis 1986; Voss, Dorsey 1992]. Уже первые начинания на данном поприще получили громкую оценку «революции в исследовании человеческого элемента в международных отношениях» [Mandel 1986: 251]. К сожалению, как показал Э.Я. Баталов, новая «„революция“ так и не вышла за пределы политической психологии, в которой и началась» [Баталов 2005]. Один из недостатков попытки решить все проблемы на основе психологического подхода отметил известный норвежский специалист И. Нойманн: «Изучение международной политики по критериям восприятия, систем верований, оперативных кодов, ... (образов врагов) и так далее зашло в тупик, поскольку имело тенденцию начинать и заканчивать социально не обусловленными „Я“...» [Нойманн 2004: 34]. Существует уже и объяснение, почему это происходит: «В своих основаниях данная проблема является двойственной: психологи обычно недооценивают тонкость и сложность задачи адаптации психологических концептов к мировой политике, в то время как специалисты в международных отношениях переоценивают свою способность создавать убедительные объяснения, которые основываются на психологии» [Tetlock, Goldgeier 2000: 95]. Стоит ли тогда удивляться, что «революция человека» в международных отношениях так и застряла в рамках политической психологии?

Еще одним вариантом пересмотра прежних подходов к проблеме человека, получившим распространение на данном этапе, можно считать и увлеченность разработкой всякого рода специализированных типов («моделей») человека: играющего, управляющего, экономического и т. д. [Автономов 1998]. Политическая наука, в том числе и ее международная отрасль, не осталась в стороне от новых веяний. Но они также не смогли избежать связанных с ними издержек. В результате здесь появилась свои формулы — сначала «человек политический» [Вайзе 1993; Цимбурский 1995]. Показательным примером попытки ее концептуализации явилась обстоятельная работа известного американского политолога Р. Лейна. Внимание автора в ней было сфокусировано на системах основных верований человека, в формировании которых важная роль отводилась политической социализации. В соответствии с подобными установками автор полагал, что «политическая личность может быть определена как ... организованный, динамический ответ на политические стимулы» [Lane 1972: 17-19]. Не менее примечательны современные примеры более детальной разработки уже некоторых из указанных Лейном аспектов человека политического: эмоций, конкретно страха, памяти и т.д. — и их роли в политике и международной жизни [Свенсен 2010; Урнов 2008; Marcus 2003].

Сохраняющаяся неопределенность сначала в разделении универсально- и конкретно-человеческого друг от друга, а затем еще их различении от национального (государственного) и т.д. была привнесена и в область международных отношений. Здесь в соответствии с духом времени было продекларировано появление еще одного нового человека — *международного*. Примечательно, что данный субъект разными авторами представлялся сходным образом. Для одних: «Современный человек — это поистине индивид всемирно-исторический. В его формировании активно участвуют, наряду с местной социальной средой и традицией, факторы глобального порядка, диалог культур и цивилизаций, всемирное духовное производство в виде науки, искусства и массовых коммуникаций» [Панарин 1994: 152]. У других же: «Персонификация» международных отношений — оборотная сторона процессов «интернационализации» и «глобализации» мировой экономики, отражающая возрастание роли Человека в МО и превращение индивида в субъект МО... «Человек-Интернациональный» (Homo-International) — человек, связывающий удовлетворение своих потребностей не только

со «своим» государством, но и мировым сообществом в целом» [Михеев 1999: 132]. А далее был еще представлен пространный список качеств, которыми должен обладать международный человек. При этом показательной является оговорка, что хомо интернэшнл не только человек мира, но в значительной степени — это человек будущего [Там же 161].

Учитывая же количество требований данного списка, скорее, его следует рассматривать как заявку или очередной проект универсалистского (а, фактически, космополитического) свойства. В некотором роде ему соответствуют, разве что, приверженцы новой глобальной («давосской» по С. Хантингтону) культуры. П. Бергер следующим образом представил это новшество: «В мире существует целая сеть сообществ честолюбивых молодых людей, занимающихся бизнесом и другими видами деятельности, которые появились в их странах... словно бы ниоткуда — своего рода «яппи-интернационал», члены которого бегло говорят по-английски, соответствующим образом одеваются и ведут себя, работают и развлекаются, а в какой-то степени и мыслят по-английски и надеются, что когда-нибудь и они будут участниками элитных саммитов» [Бергер 2004: 11]. Но именно *международному человеку* и была отведена значительная роль в предлагаемой новой дисциплине: как самостоятельному социальному типу. Он рассматривался в качестве основы вращивании самостоятельной ветви гуманитарного знания — антропологии мировой политики или международных отношений [Баталов 2005].

Как представляется, недооценка всей сложности рассматриваемой проблемы характерна и для ряда основополагающих международных документов, в том числе и Всеобщей декларации прав человека 1948 г., вызвавшей затем «революцию прав человека». Не случайно впоследствии ее пришлось дополнять другими идеями и постановлениями. Насколько результативной оказалась предпринятая попытка можно судить, в том числе, по вскоре последовавшим призывам к внедрению еще и «глобального гуманизма». Сторонники такого нововведения вполне обосновано мотивировали его необходимость, например, следующим образом: уже принятые права человека «... должны учитывать различные уровни, на которых возникает угроза правам человека — глобальный, государственный, индивидуальный... [и] должны включать в себя как нематериальные, так и материальные потребности человека» [Gurtov 1991: 49-50]. Примечательно также, что, когда продекларированные теоретические установки стали проводиться в жизнь, получилась противоречивая практика гуманитарных интервенций 1990-х гг., которая потребовала затем внедрения еще и принципа *безопасности человека*. К сожалению, какой именно смысл следовало вкладывать в термин человек в данном случае, так и не было уточнено. Однако нельзя забывать, что у него кроме обобщающего смысла есть и еще одно значение — *конкретный индивид*. Сегодня вполне достаточно призывов к изучению человека, его защите и даже усовершенствованию. Но очевидно, что продолжать мириться с неопределенностью применения слова, термина, концепта, человек в практике научных исследований было уже невозможно.

В целом же анализ основных подходов к проблеме человека в общественно-политической жизни и сложившихся на их основе концепций позволяет, несмотря на некоторую научную противоречивость в отношении к данному объекту исследований, констатировать наличие определенной логики в их развитии и взаимодействии. В начале были рассмотрены преимущественно общие, сугубо *абстрактные* вопросы, касавшиеся сущности человека и его бытия. Затем изучались роль и значение политических классов, социальных групп и т. д. Постепенно фокус исследований переместился на разработку различных моделей человека для определенных областей деятельности или повседневности. Параллельно практиковалось простое заимствование психологических представлений в другие отрасли социально-гуманитарного знания, включая и международные исследования. Но со временем все более явным становилось, что универсалистские претензии, ставка на «коллективные», «государственные» личности и экскурсы в психологию не оставляли в той же науке о международных отношениях места *реальным индивидам*. Как показал специально занимавшийся

этой проблемой французский исследователь М. Жерар, в течение продолжительного периода: «...вопрос об индивидах сводился, главным образом, к подходам, основанным на психологическом любопытстве или на этической озабоченности...» [Жерар 1996: 13]. Вполне естественно, что сегодня именно реальным индивидам уделяется все большее внимание в разных отраслях знания.

В сфере международных отношений современные подходы в отношении человека стали внедряться где-то с последней четверти XX в. Так, в начале 1980-х гг. британский теоретик Э. Линклейтер еще только отмечал противоречие между этическим универсализмом человека и его гражданско-социальным партикуляризмом. «Мы все являемся представителями человеческой расы (обращаю внимание на этот термин — А.К.) и чувствуем, что у нас есть обязательства друг перед другом как людьми, но мы также и граждане обособленных государств» [Linklater 1982: 7]. Представленная ситуация отчасти может объяснить возникновение дебатов о проблемах, возникших при попытках совместить права человека с правами гражданина [Venhabib 2004]. Показательно, что вскоре американский специалист Дж. Розенау и поставил вопрос о необходимости исследования роли рядовых индивидов в международной политике. Свою позицию этот автор объяснял как раз нарушением прежних норм, регулирующих эту сферу [Rosenau 1990; Розенау 1996]. Сначала такое предложение многим показалось слишком уж радикальным. Как опасался один из авторов: «Стремление политологии включить в свои модели международных отношений человеческое измерение неизбежно создает для нее серьезные интеллектуальные проблемы» [Эрман 1996: 53]. Другие исследователи высказали опасение, что «интерес к роли индивидов в международной политике почти фатально ведет к отказу от межгосударственного подхода...» [Жерар 1996: 18-19].

Кроме того, вполне очевидно признание рядовых индивидов субъектами международной политики неизбежно «приземляло» ее прежних творцов — государственных деятелей, в том числе и «профессионалов безопасности» (Д. Биго). Уже известный нам автор показал: «Ирония судьбы состоит в том, что high politics [высокая политика — А.К.] национального интереса и рассуждений о суверенитете, несмотря на их торжественный вид и нарочитую монументальность, во многом связаны самыми прочными нитями с самым ordinary поведением самых обычных индивидов» [Жерар 1996: 15]. Так что, несмотря на все опасения, идея значимости индивидов в международных отношениях должна была получить широкое признание. Теперь для многих специалистов стало само собой разумеющимся, что «...хотя они могут случайно забыть этот факт, или постараются убедить нас забыть о нем, но политические деятели все же остаются людьми и у всех у них — слишком много человеческого» [Tetlock, Goldgeier 2000: 88]. Не случайно, представляя один из первых проектов о роли индивидов в международных отношениях, его инициатор подчеркивал: «Индивиды, о которых здесь идет речь, — это по замыслу авторов, прежде всего ordinary личности, с тривиальным восприятием и поведением, не отличающиеся от других членов своего общества и своей среды» [Жерар 1996: 21].

Однако более широкое внедрение постмодернистской стратегии деконструкции заставило обратить внимание, что и «элементарный индивид/человек» не так однозначен, как могло показаться сначала, хотя бы в силу своей различной гендерной принадлежности. Поэтому появление разного рода *феминистских проектов*, в том числе и в сфере международных отношений, явилось закономерным следствием критики прежних мета-мега (т. е. универсалистских) представлений. На самом же деле, по мнению последовательниц данного направления, подобные конструкции отражали сугубо «маскулинные позиции и взгляды» [Тикнер 2006; Sylvester 1994]. Уместно будет также вспомнить об исследованиях влияния на формирование индивида различных факторов, оказавшихся вне традиционно понимаемого социально-политического поля. Сначала это была раса, а в последнее время — принадлежность к различным меньшинствам, в том числе и диаспорам. Так что, наиболее добросовестные авторы теперь полагают своим долгом предупреждать: «Индивид, которого читатель встретит в

этой работе предстает то как эмпирический субъект..., то как общепринятая аналитическая конструкция, которая, в зависимости от случаев и авторов, выступает или как идеал-типичский индивид... или же как модальный индивид, призванный точно воспроизводить наиболее часто встречающиеся характеристики данной группы индивидов» [Жерар 1996: 13].

Таким образом, признание значения человека стало не просто данью некоей моде, но явилось необходимым требованием современного этапа исследований социально-политической жизни и ее международной сферы. Однако, стремление понять роль этого субъекта в быстро меняющемся мире столкнулось с препятствием, выразившемся в сфокусированности науки на отдельных этапах ее развития на разных сторонах человека. В результате очень часто происходила неоправданная гиперболизация этих отдельных сторон в ущерб целостному восприятию самой проблемы и реальных сложностей в ее разработке. Не случайно в стремлении к «антропологизации» т. е. введению человека в исследование различных явлений и сущностей мы впадаем, как уже отмечалось, в грех «антропоморфизации». Он заключается в уподоблении предлагаемых созданий (артефактов, моделей) реальному человеку/индивиду, в том числе, и при изучении самого человека, наделяя их при этом лишь теми человеческими свойствами, которые считаются наиболее значимыми «здесь и сейчас» [Например, Hale 2008]. Дальнейшее развитие подобной методологии сопровождалось редуцированием индивидов к их психологизации, профессионализации, натурализации, и т. д. В то же время, сохранявшаяся неопределенность с различением конкретных индивидов и «идеал-типичских» конструкций человека напротив позволяла гипертрофировать индивида, подменяя им различные сообщества и объединения. К сожалению, учитывая стремление большинства авторов современных теоретических разработок в сфере международных отношений (справедливости ради все же следует добавить, как и во всем социально-гуманитарном знании) решать все антропологические проблемы с помощью концепта *идентичность*, приходится констатировать, что представленная негативная практика пока еще находит широкое применение [Например, Bloom 1993; Guillaume 2010; Vendt 2003].

Следовательно, вполне определенно можно констатировать, что признание значимости человека не только как некоей абстрактной модели, но и в качестве реального индивида в международных отношениях и науке, которая ими занимается, является даже несколько запоздалым шагом. Однако даже в свете очень схематизированного изложения современного состояния проблемы признания человека можно сделать вывод, что сама ее постановка, как и предупреждали некоторые авторы, не может не сказаться на состоянии данной отрасли науки. С одной стороны, включение индивидов в сферу международных отношений со всей определенностью выдвигают требование формирования *новых компетенций*, чтобы заниматься разработкой данного направления исследований. Не случайно, например, в свое время тот же Р. Лейн выступил с призывом: «защитить политическую науку от нее самой». Роль спасателя он по-прежнему отводил психологии, которая должна была уберечь рассматриваемую отрасль от ошибок, например, связанных с суждением о том, что столь важная категория, как интересы, являются сугубо *рациональными* и *материалистическими* [Lane 2003].

С другой стороны, вновь обозначившееся измерение сферы международных отношений отчетливо высветило остающиеся пробелы и узкие места в существующих основаниях их исследования. Одно из них отметил еще М. Жерар как своеобразную дуэль между сторонниками специфики международно-политического анализа и их противниками, рассматривающими его как часть политической науки или социальных наук [Жерар 1996: 18]. Российские специалисты констатировали в данном сообществе небрежение или полное игнорирование теории международных отношений и политической теории вообще [Барабанов, Фельдман 2009]. Результатом же подобных претензий на изначальную исключительность своего поля деятельности является недостаточная концептуальная проработанность ряда важных проблем в данной сфере, в том числе, касающихся человека. Тем не менее, сегодня уже не-

возможно уклониться от признания того факта, что международные отношения и мировая политика, в конечном счете, реализуются людьми. Следовательно, мы должны понимать, *кто* и *почему* принимает здесь конкретные решения или готовит определенные события. Однако, все дело в том, что *анализом* этих сфер политики также занимаются *люди*. Поэтому будет вполне справедливо утверждать, что точно также мы должны знать, *кто* и *почему* предлагает нам конкретные *оценки* и *выводы* о деятельности политиков. И, если «творцы» международной политики, так или иначе, становятся объектом исследований, то их «оценщики» пока еще гораздо реже попадают под контроль такого рода. Но заниматься подобными исследованиями также необходимо и это должна делать антропология международных отношений.

Более широкий взгляд на проблему человека в международной сфере, заставил также обратить внимание на существенные различия между участвующими в них современным или постмодернистским индивидом и представителем, так называемых, традиционных и вообще «других» обществ [Жерар 1996: 22-23]. Отчасти различия подобного рода стали фиксироваться через использование снова получившего популярность с подачи С. Хантингтона концепта *цивилизация*. Но ограниченный список цивилизаций явно не мог вместить в себя все многообразие существующих вариантов общностей. С этой же целью активно используется и концепт идентичность. Как известно, в течение длительного периода «традиционные общества» оставались объектом исследований преимущественно социальнокультурной антропологии. В конце 1960-х гг. ими стала также заниматься новая дисциплина — политическая антропология [Balandier 1967; Крадин 2011]. Произошедшее в результате глобализации включение этих общностей в современные международные отношения в силу их сохраняющихся особенностей является еще одним аргументом в пользу создания дисциплины — антропология международных отношений.

Вместе с тем, признав значимость человека как индивида в международных отношениях, нельзя было не замечать разные их возможности в данной сфере. Ведь полномочия глав основных ветвей власти, руководителей внешнеполитических ведомств, лидеров неправительственных организаций все же не сопоставимы с возможностями отдельного обычного гражданина. Следовательно, обсуждение проблемы о роли индивидов в формировании международной политики и связанных с нею отношений корректно может проводиться лишь с учетом характера социально-политической системы, в которой они действуют. Как отметили, в частности, российские исследователи, считать человека актором можно при условии «... включённости индивида в сферу мировой политики; относительной его обособленности от вскормивших и воспитавших общности и политики... [Катаев, Фельдман 2010]. В таком случае продолжающиеся дебаты о роли нации-государства в эпоху глобализации и проявившийся в последнее время интерес к определению основных вариантов государств, включенных в современный миропорядок, представляются более чем актуальными [Ильин 2008; Коломер 2008]. Не менее примечательной выглядит и постановка вопроса об антропологии государства [Скальник 2011]. Поэтому не следует все же смешивать *человека международного* как *теоретическую категорию* с конкретными индивидами, занимающими различные позиции по отношению к институтам, каналам и сетям реализации международных отношений.

Таким образом, признание человека в его реальном (индивидуальном) воплощении наглядно продемонстрировало серьезные недостатки в существующих теориях международных отношений. В первую очередь, это касается нестрогой определенности использовавшихся терминов человек и индивид. По этой причине стала возможной активная практика *антропоморфизации* различных акторов международных отношений, которая привела к искаженному восприятию существа проблемы о роли человека в международной сфере. Выход из создавшегося тупика заключается в строгом методологическом разграничении уровня *реальных индивидов* и *их различных объединений*, включая общественные страты, политические нации и человечество в целом, а также институтов внешней политики, международных орга-

низаций и т. д. Поэтому в свете данного требования, мы должны учитывать не только и не столько роль абстрактных индивидов в международных отношениях как таковых. Теперь следует понимать, что те же институты, объединения и общности мы обязаны анализировать, как с *позиции составляющих их людей* с реальными качествами и свойствами последних, так и с точки зрения *организации, правил, норм и функций институций* разного рода. Конечно, все это также было создано людьми, которые и продолжают обеспечивать существование институтов и общностей в соответствии с законами, правилами и требованиями времени. *Принципиальным же моментом в данной ситуации является методологическое различие характеристик реальных, т. е. живущих индивидов и достояния предыдущих поколений, представляющего собой трансформированные характеристики ранее живших людей и их окружения, доставшиеся нам уже в снятом виде и чаще всего характеризующиеся таким же мало определенным термином культура.* Поэтому проявляющийся интерес к анализу роли культуры в международных отношениях представляется очень показательным [Reeves 2004; Sampson 1987]. Понятно также что, несмотря на свою антропологическую природу, в первом и втором случае мы имеем *реальность разного рода*, которую должны исследовать в соответствии с ее особенностями. Следовательно, наряду с той же привычной психологией существует ее второй, превращенный вариант («внешняя психология» по определению известного американского антрополога К. Гирца). Теперь приходится понимать, что, *принимая значимость человека для современных международных отношений, мы берем на себя обязательство рассматривать его в наших исследованиях как определенный концептуальный континуум. На одном его полюсе находится отдельный индивид, на другом — все человечество. А между ними располагается определенное количество различных групп, общностей и объединений индивидов, включенных в различные институты, связи и взаимодействия.* Только в этом случае, несмотря на открывающуюся многомерность сферы международных отношений, мы сможем избежать прежних ошибок с определением в ней места человека.

В свете всех приведенных обстоятельств можно констатировать, что выдвинутое рядом авторов положение о человеке международном как основном объекте новой дисциплины — антропологии международных отношений, является неоправданно ограниченным. Скорее здесь речь должна идти об исследовании *человеческого измерения* международных отношений или, как писал Э.Я. Баталов, «воздействия «человека на международные отношения и мировую политику, а также международных отношений — на человека» [Баталов 2005]. Представленное измерение включает в себя уровень отдельных индивидов, в том числе непосредственно связанных с формированием международной политики и тех, кто занимается ее анализом. На другом уровне предметом изучения выступают психологические, ментальные и другие свойства и качества, присущие индивидам. Еще один уровень дисциплины связан с анализом участия индивидов в деятельности различных международных институтов, организаций и объединений. Необходимую работу по созданию требуемого представления о человеке выполняла и должна выполнять, в первую очередь, общая антропологии, т. е. область знаний как раз направленная на изучение объединений индивидов и всего человечества в их общем и конкретном многообразии проявлений и способов жизнедеятельности. В свою очередь, отбор и пополнение антропологических данных, необходимых для квалифицированного решения проблем в определенной социально-политической сфере, — это задача соответствующей отрасли антропологии, в нашем случае антропологии международных отношений. Для представляемой субдисциплины важным условием ее эффективности становится требование не терять за своими специальными задачами реальный масштаб и возможности человека. Но в то же время, новая реальность, которая подвигает некоторых специалистов определять современный мир как *постчеловеческий*, не очень обнадеживает в том отношении, что признание значимости человека для международных отношений, уже означает их гуманизацию.

- Автономов В.С. 1998. *Модель человека в экономической науке*. — СПб. — 230 с.
- Барабанов О., Фельдман Д. 2009. Фундаментальное и прикладное в международных исследованиях. — *Международные процессы*. — Т. 7. — № 2 (20). — Январь-апрель.
- Баталов Э.Я. 2005. Антропология международных отношений. — *Международные процессы*. Т. 3 № 2 (8). — Доступно: <http://www.intertrends.ru> — Проверено: 19.10.2010.
- Баталов Э.Я. 2008. *Человек, мир, политика*. — М. Научно-образовательный форум по международным отношениям. — 330 с.
- Бергер П. 2004. Введение. Культурная динамика глобализации. — *Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире*. Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. — М.
- Вайзе П. 1993. Homo economicus и homo politicus: монстры социальных наук. — *Thesis*. — Том 1. — № 3. — С. 115-130.
- Гизен К.Г. 1996. Между теорией принятия решений и структурализмом: слабая роль индивидуальной этики в теории международных отношений. — *Индивиды в международной политике*. / М. Жерар руководитель авторского коллектива. Перевод с французского. — М.
- Гуторов В.А. 2003. Об антропологическом измерении политики: «спор древних и новых» и некоторые его итоги на рубеже XX-XXI веков. — *Россия и Грузия: диалог и родство культур. Сборник материалов симпозиума*. Вып. 1. — СПб. — С. 75-85.
- Жерар М. 1996. Предисловие. — *Индивиды в международной политике*. М. Жерар руководитель авторского коллектива. Перевод с французского — М.
- Ильин М.В. 2008. Возможна ли универсальная типология государств? — *Политическая наука*. — № 4. — С. 8-41.
- Катаев Д.С., Фельдман Д.М. 2010. Человек в науке о мировой политике. — *Вестник МГИМО-университет*. — № 6 (15). — С. 102-107.
- Коломер Ж. 2008. Великие империи, малые нации: Неясное будущее суверенного государства. (Реферат). — *Политическая наука*. — № 4. — С. 42-67.
- Кортунов С.В. 2003. *Становление политики безопасности*. — М.
- Косолапов Н.А. 1999. Международные отношения как специфический тип общения. — *МЭ и МО*. — № 6. — С. 102-107.
- Крадин Н.Н. 2011. Перспективы политической антропологии. — *Полис*. — № 6. — С. 78-91
- Кузнецов А.М. 2000. Антропология и антропологический поворот современного социального и гуманитарного знания. — *Личность. Культура. Общество*. — М. Т. 2. — С. 49-67.
- Кулагин В.М., Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. 2002. Глобализация и развитие человека. — *Глобализация: человеческое измерение*. — М.
- Михеев В.В. 1999. *Хомо-Интернэшнл*. — М.
- Могилевкин И. 1999. Человеческий фактор в метастратегии. — *МЭ и МО*. — № 6.
- Моргентау Г. 1997. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир. — *Социально-политический журнал*. — № 2. — С. 189-201.
- Нойманн И. 2004. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова. — М.
- Одайник В. 1996. *Психология политики*. — СПб.
- Панарин А.С. 1994. *Философия политики*. — М.
- Розенау Д. 1996. Меняющиеся индивиды как источник глобальной турбулентности. — *Индивиды в международной политике* / М. Жерар руководитель авторского коллектива. Перевод с французского. — М. — С. 99-125.
- Свенсен Л. 2010. *Философия страха*. — М. — 288 с.

- Скальник П. 2011. Государство и антропология государства. — *Полис*. — № 6. — С. 104-108.
- Танатова Д.К. 2004. *Антропологический подход в социологии*. — М. — 259 с.
- Тикнер Дж.Э. 2006. *Мировая политика с гендерных позиций: проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны»*. Пер. с англ. Д.Н. Польшанного. — М. — 333 с.
- Урнов М.Ю. 2008. *Эмоции в политическом поведении*. — М. — 240 с.
- Фельдман Д.М. 2004/2005. Человек в политических процессах современности. — *Космополис*. Зима. — № 4. — С. 181-192.
- Фельдман Д.М. 2008. Человек как актор мировой политики. — «Приватизация» мировой политики: локальное действие — глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. — М. — С. 209-237.
- Фельдман Д.М. 2009. Человек в мировой политике. — *Мир и политика*. — № 9. — С. 36-51.
- Хоружий С.С. 2009. От синергичной антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером. — *Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергичная антропология*. — Казань.
- Цимбурский В. 1995. Человек политический между Ratio и ответами на стимулы (к численному когнитивных типов принятия решений). — *Полис*. — № 5. — С. 15-33.
- Эрман Ж. 1996. Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики. — *Индивиды в международной политике*. / М. Жерар руководитель авторского коллектива. Перевод с французского. — М.
- Almond G. 1950. Anthropology, Political Behavior, and International Relations. — *World Politics*. — Vol. 2. — No 2. — P. 277-284.
- Bailey T.A. 1948. *The Man in the Street: The Impact of American Public Opinion of Foreign Policy*. — N.Y. — 324 p.
- Balandier G. 1967. *Anthropologie Politique*. — P. — 244 p.
- Benhabib S. 2004. *The Rights of Others. Aliens, Residents and Citizens*. — Cambridge. — 258 p.
- Bloom W. 1993. *Personal Identity, National Identity and International Relations*. — Cambridge. — 194 p.
- Cohen R. 1982. Anthropology and diplomacy: new wine or new bottles ? — *Anthropological Diplomacy: Case Studies in the Application of Anthropology to International Relations. Studies in the Third World societies*. Ed. by H. Sutlive, N. Altshuler, M. Zamora. Department of Anthropology. — Williamsburg. — P. 1-13.
- De Rivera J. 1968. *The Psychological Dimension of Foreign Policy*. — Columbus. — 441 p.
- Devetak R. 2005. Postmodernism. — Burchill S., Linklater A., Devetak R., Donnelly J., Paterson M., Reus-Smit Ch. and True J. *Theories of International Relations*. — Palgrave. — P. 161-187.
- Eriksen T.H., Neumann I.B. 1993. International Relations as a Cultural System. An Agenda for Research. — *Cooperation and Conflict*. — Vol. 28 (3).
- Etheredge L.A. 1978. *World of Men: The Private Sources of American Foreign Policy*. — Cambridge: MA MIT Press. — 178 p.
- Guillaume X. 2010. *International Relations and Identity*. — L.,N.Y. — 255 p.
- Gurtov M. 1991. *Global Politics in the Human Interest*. — L.
- Hale H. 2008. *The Foundations of Ethnic Politics. Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. — Cambridge. — 264 p.
- Hudson V.M., Vore Ch.S. 1995. Foreign Policy Analysis Yesterday, Today, and Tomorrow. — *Mershon International Studies Review*. — Vol. 39. — No. 2. Oct. — P. 209-238.
- Jervis R. 1986. Perception and Misperception in International Politics. — *Oxford Handbook on Political Psychology*. Ed. by D.O. Sears. — Boulder. — P. 13-31.

Kelman H.C. 1965. Social-Psychological Approach to the Study of International Relations: Definition of Scope. — *International Behavior: A social-psychological analysis*. Ed. by H. Kelman. — NY. — P. 3-39.

Lane R.E. 1972. *Political Man*. — N.Y.

Lane R. 2003. Psychology's Role in Rescuing Political Science from Itself. — *Oxford Handbook of Political Psychology*. Ed. By D.O. Sears, L. Huddy, and R. Jervice. — Oxford. — P. 755-793.

Linklater A. 1982. *Men and Citizen in the Theory of International Relations*. — L.

Mandel R. 1986. Psychological Approaches to International Relations. — *Political Psychology: Contemporary Problems and Issues*. Ed. by M. Hermann. — San-Francisco, L.

Marcus G.E. 2003. The Psychology of Emotion and Politics. — *Oxford Handbook of Political Psychology*. Ed. by D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. — N.Y. — P. 182-221.

Morgan P.M. 1994. *Theories and Approaches to International Politics. What Are We to Think?* — New Brunswick. — 308 p.

Preiswerk R. 1995. *Could westudy international relations as if people mattered? Toward a Just World Order*. Vol. 1. ed. by R. Falk, S. Kim and S. Mendlovitz. — Boulder, San-Francisco, Oxford. — P. 175-197.

[Psychological Models]. 1979. Psychological Models in International Politics. Ed by Falkowski, Lawrence S. — Boulder. — 328 p.

Reeves J. 2004. *Culture and International Relations. Narratives, natives and tourists*. — N.Y., L. — 214 p.

Rosenau J. 1990. *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. — Princeton. New Jersey. — 504 p.

Sampson M. 1987. Cultural Influences on Foreign Policy. — *New Directions in the Study of Foreign Policy*. Ed. by Ch. F. Hermann, Ch. W. Kegley, Jr., and J. N. Rosenau. — Boston. — P. 384-408.

Sylvester C. 1994. *Feminist Theory and International Relations in Postmodern Era*. — Cambridge. — 265 p.

Tetlock F.G., Goldgeier G.M. 2000. Human Nature and World Politics: Cognition, Identity, and Influence. — *International Journal of Psychology*. — Vol. 35 (2).

Tetlock Ph.E., McGurre Ch.B. 1985. Cognitive Perspectives on Foreign Policy. — *Political Behavior Annual*. Ed. by S. Long. — Boulder. — P. 87-96.

Thomas L.L. 1982. Anthropology and international relations: mutual scope and focus? — *Anthropological Diplomacy: Case Studies in the Application of Anthropology to International Relations. Studies in the Third World societies*. Ed. by H. Sutlive, N. Altshuler, M. Zamora. Department of Anthropology. — Williamsburg. — P. 107-138.

Vendt A. 2003. *Social Theory of International Relations*. — Cambridge.

Voss J., Dorsey E. 1992. Perception and International Relations: An Overview. — *Political Psychology and Foreign Policy*. Ed. by E. Singer and V. M. Hudson. — Boulder. — P. 3-30.

Waltz K. 1959. *Man, the State, and War. A Theoretical Analysis*. — N.Y. — 252 p.